

The background of the entire page is a grayscale image of a pair of large, feathered angel wings. The wings are spread out, with the left wing on the left side and the right wing on the right side, meeting at the center. The feathers are detailed and layered, creating a sense of depth and texture. The overall tone is dark and moody.

НАТАЛЬЯ БЕССОНОВА

БИЗНЕС АНГЕЛ

ДЛЯ ВСЕХ КОМУ КАЖЕТСЯ,
ЧТО ХУЖЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ,,

18+

Наталья Бессонова

Бизнес ангел

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бессонова Н. Н.

Бизнес ангел / Н. Н. Бессонова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11055-7

Часто в трудной жизненной ситуации мы опускаем руки, думая, что это предел. Предел наших сил выдержать тяжелые жизненные испытания. И сравнивая себя с теми, у кого всё хорошо, мы ещё больше подвергаемся унынию и опускаем руки... а ведь один и тот же урок повторяется с нами до тех пор, пока мы его не усвоим. Это реальная история об обычной российской семье, которая после рождения ребёнка-инвалида с тяжелейшими патологиями, ради того, чтобы его лечить, была вынуждена заняться бизнесом. А что из этого вышло, когда на пути встретились предательства и поражения, крепкая дружба и разорение, яркий успех и душевная боль, вы узнаете после прочтения.

ISBN 978-5-532-11055-7

© Бессонова Н. Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
2012 год. Москва – Краснодар	6
2000 год. За 12 лет до этих событий...	7
Холодный северный город... Роддом	7
1 октября 2000 года. Другая жизнь	8
Один на один	11
Всё как в тумане	14
За 9 месяцев до этого... Черёда примет...	16
Готовимся к новому члену семьи	20
1998 год. За 1,5 года до вторых родов. Новые друзья	22
2000 год. Роддом. Выписка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

*И проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии.
(Иоанн.9:1–3)*

Предисловие

Нам всем в жизни встречаются люди, которые делают нам так больно, что мы считаем их своими врагами. Но чаще всего именно эти люди становятся для нас самыми лучшими учителями, меняющими нашу жизнь настолько к лучшему, насколько было бы невозможно, если бы мы их не повстречали. Так какие же они тогда враги?

И ещё вопросы, которые в трудной ситуации задает себе каждый: «Зачем человеку посылаются испытания? За что? Почему именно мне?». Ответ прост, но всегда непонятен в момент боли: может, просто для того, чтобы мы стали лучше?

В этой книге рассказана реальная история реальных людей. Имена многих героев, кроме главных, изменены. Автор заранее просит прощения у каждого, кто упомянут здесь, узнает себя, но помнит и видит эту же историю или какую-либо ситуацию в ней иначе. Мы все воспринимаем мир, людей и события через призму своего возраста, опыта, эмоционального состояния и даже просто этапа развития личности. Благодарю всех и каждого, кто повстречался на моём пути и повлиял на жизнь моей семьи. Верю и знаю, что всё и всегда – только к лучшему, ведь посреди самой тёмной минуты отчаяния всегда найдётся место для настоящего чуда!

2012 год. Москва – Краснодар

Виталий взял трубку телефона, который позвонил в обеденный перерыв. Экран телефона высветил: «Офис Москва, Пилюгина». На другом конце провода Аня с первых же секунд, как только дозвонилась, начала говорить сразу быстро и взволнованно:

– Виталий Александрович, у нас проблема. Банк не принимает такие большие суммы. В один день можно перевести только 600 тысяч рублей.

– Не пойму, как эта проблема возникла?

– Да этот клиент, который хотел перевести по безналу, приехал в офис сам и всё привёз наличкой!

Виталий её перебил:

– Так... Подождите, Аня. Всю сумму наличными?

Она продолжила тараторить без остановки:

– Да-да, всю! Вывалил из сумки кучу пачек, мы, конечно, всё с девочками пересчитали. Но нам бы машинку для денег. Сложно такие суммы вручную считать, часто сбиваемся, да и проверить деньги на подлинность не можем.

– Машинки-то мы, конечно, купим, сейчас скажу секретарю найти их... Нам же все клиенты по безналу всегда платят, вот и не торопились с этим, – задумчиво произнес Виталий.

– Ну, это понятно. А сейчас-то что делать, Виталий Александрович? Я понимаю, что проблема, кому скажешь – не поверят, но как нам все эти деньги теперь вам отправить? Один выход: разбить всю сумму по 600 тысяч и каждый день в Сбербанк ходить.

– Так, Аня, успокойтесь. Сейчас будем думать, как быть. Скажите, клиенты-то уже ушли?

– Да. Только что. Поэтому вам и звоню сообщить это всё скорее.

– Давайте так. Пока перечисляйте по 600 в день, а там подумаем, как быть.

– Хорошо, Виталий Александрович, поняла.

Аня повесила трубку, а Виталий спросил меня:

– Наташ, может, мне на машине за этими деньгами сгонять?

– Снова в Москву? Ты же только что приехал! Невозможно же туда-сюда бесконечно гонять.

– Да, и то верно. Я устал очень. Только с дороги. Как обидно. Знал бы, так на день-два позже уехал. Надо думать, как эту проблему решить... Да ещё и бухгалтер звонила, говорит, по обороту мы превысили сумму упрощенной системы налогообложения, придется теперь на НДС уходить...

– Да уж, смешно даже. Таких «проблем» у нас ещё не было...

Сказал бы кто об этом нам 12 лет назад, ни за что бы не поверили...

2000 год. За 12 лет до этих событий...

Холодный северный город... Роддом

Прошли бесконечные 40 тревожных минут, прежде чем она вернулась.

– Ты в Чернобыле была?

– Нет...

– Сейчас, во время беременности была?

– Нет!!! Мы с семьей были только в Сочи на седьмом месяце беременности!

– Нет... это не то. Странно... Дело в том, что это мутация...

И она ушла, не сказав никаких подробностей! Не объяснив, почему она говорила такие страшные слова сейчас, снова ушла на уже новые, бесконечно длинные 40 минут!

Спустя это время она снова вернулась и произнесла довольно жестоко:

– Ну, дорогая моя. Что родила, то родила...

Затем взяла какие-то вещи в моей палате и снова собралась уходить.

Я не выдержала и в полнейшем отчаянии стала кричать ей вслед:

– Да что, в конце концов, всё это означает, вы можете мне сказать?! Вы дважды уходите, ничего мне толком не объяснив. Я имею право знать, что с моим ребенком???

Она развернулась и резко подошла ко мне. Ни о каком сочувствии и прочем не было и речи. Эта, наверное, самая равнодушная из всех в мире медсестёр, просто, разрезая воздух как масло, сказала:

– У ребёнка нет обоих глаз. Ну, или, может, одного... Он сейчас очень отекший, и непонятно, есть там второй глаз или нет. Педиатр сейчас его смотрит, она и скажет потом всё подробнее. Но одного точно нет.

– Как это нет глаз???

Я даже приподнялась на родовом кресле, хотя мне сказали, что вставать нельзя.

Она ответила:

– Я в этом роддоме работаю более 20 лет. Такой же ребенок здесь рождался лишь однажды, но то была девочка. И у неё не было обоих глаз и не было век. У твоего хоть веки есть. Родители от неё сразу же отказались. Её потом забрала американская семья. Присылали нам американцы фото где-то через год: сидит вся в бантах, в красивом платье нарядном, мы тут всем роддомом умилялись и любовались на неё. Там в семье был свой ребенок слепой, вот ему и взяли такую же сестрёнку...

Она снова ушла. А я погрузилась в оглушающий ужас. Этот шок невозможно передать словами. Мне было всего 23 года, и в этом возрасте понять и вот так неожиданно осознать то, что произошло... почему, зачем и за что? Совершенно невозможно. Рано. Не созрела душа. Понимания хватило только на жуткий шок...

1 октября 2000 года. Другая жизнь

Мои вторые роды на медицинском языке называются стремительными. То есть от поступления в роддом до момента рождения сына прошло всего 1,5 часа. Но это были оооочень болезненные полтора часа. Самая большая физическая боль, которая была у меня в жизни. Гораздо большее, чем в первые роды. Возможно, потому, что в первый раз я поступала «по знакомству» и мне делали какое-то обезболивающее, не знаю... В этот раз всё было наживую. Почему-то мы не договаривались ни по какому знакомству, хотя его вполне можно было найти снова. Просто вторые роды и вторые, родила один раз, рожу еще. Я встретила эту боль молча, не кричала, словно режут, как другие. Просто терпела, подвывая. Мне позже соседка по послеродовой палате сказала, что ей было интересно посмотреть, кто это такая сильная и терпеливая, совсем не кричит. А я даже и не думала о том, сильная я или нет, просто старалась терпеть.

Это было моё второе посещение роддома с этой беременностью. В первый раз, когда показалось, что начались схватки, меня на скорой привезли в роддом, выдали новенькую ночнушку, сделали необходимые процедуры и оформление, разместили в просторной платной палате, хотя мы и не оплачивали, просто потому что не было других мест. А потом после осмотра отправили на УЗИ. Посмотрев, врач сказала, что я приехала недели на две раньше положенного, ребенок ещё не созрел.

– Как это не созрел, уже 41 неделя?

– Ну так, не созрел. Бывает. Значит, надо ждать.

И я вернулась домой. Промелькнувшую мысль о том, что «возвращаться – плохая примета», отогнала как неуместную... Бывают же ложные схватки и т. п., читала когда-то.

Во второй раз я попала в этот же роддом, но уже почему-то на этот раз мне выдали сильно обветшалую и рваную на груди ночнушку. Приходилось придерживать её всё время руками, чтобы не идти по пояс голой. В предродовой палате, расположенной напротив, в момент моего поступления рожала молодая женщина, мне было видно её из окна дверного проема, они были прозрачными. Вокруг девушки я насчитала двух врачей и двух акушеров, не знаю, может, кто оплатил или случай особенный... Она родила быстрее меня, и, наконец, после неё меня позвали посмотреть на кресле.

Во время осмотра врач проткнула пузырь, чтобы отошли воды и ускорились схватки, она посмотрела и сказала отправляться обратно в палату, сделав почему-то вывод, что у меня до родов еще есть много часов. Идя по коридору, за спиной я слышала строгий голос:

– А что это у вас роженица вся в крови?

Только оглянувшись, я поняла, что это обо мне. Внешне было ясно, что эта женщина-врач – их медицинский начальник или что-то в этом роде и смысл её замечания был не в том, чтобы помочь мне, а в том, чтобы убрать меня из коридора поскорей, чтобы не пугала других рожениц или, может, кого-то ещё. Я чувствовала, что по ногам что-то бежит, но ведь протыкали пузырь, вот и подумала, что это просто воды выбегают. Когда же обернулась, увидела большие кляксы алой крови на полу и то, что сзади вся ночнушка у меня не в водах, а насквозь в ярко-красной крови.

Уборщица метнулась и начала все протирать на полу, семена за мной по пятам до самой палаты, спешно закрыв за мной дверь. Было странно, что мне не предложили переодеться, и, думаю, в эту палату завели как в самую ближайшую, видимо, чтобы быстрее спрятать меня с глаз начальницы. Палата была хорошая, просторная, с красивой ванной-джакузи и кроватью для роженицы, и что странно, это была ТА САМАЯ ПАЛАТА, в которой я НЕ родила в первый раз. Вернулась всё-таки...

Здесь же стояло кресло для родов, позади него столик для малыша с весами и всеми необходимыми принадлежностями для вновь родившегося. Было очень красиво и чисто. И в этой кровавой, разорванной ночнушке я казалась там чем-то совершенно инородным.

Врача мне не дали. Просто не назначили. В палате напротив снова рожала уже другая девушка. Первые роды. И она очень сильно кричала. И снова именно из моей старой/новой палаты было видно, что там сразу два врача на родах. «Все они тут, что ли, через знакомство?..» – подумала я. Через некоторое время ко мне для осмотра подошла обычная медсестра и вынесла вердикт, даже не посмотрев: «Ещё не скоро, ждем...». А мне самой уже через 10 минут после её ухода стало казаться, что прошла целая вечность, дико болел живот и отваливалась спина, схватки стали очень частыми. Из коридора с поста дежурных была слышна песня Земфиры: «Хочешь сладких апельсинов...».

Через какое-то время ко мне, наконец, зашли две молодые практикантки, им дали задание: попробовать сделать доплер сердцебиения малыша. По тому, как они путались в проводах, я поняла, что делают это они, вероятно, впервые. Они попросили меня лечь, стали цеплять все эти датчики. Но вот лежать я уже не смогла. Боль стала совершенно нестерпимой, и я закричала так громко: «Рожаю!», что обе испуганно выскочили в коридор. Провода так и повисли неподключенными на моем животе. Та самая медсестра, что осматривала меня ранее, пришла с совершенно недовольным видом и стала очень грубо ругаться и ворчать:

– Я же сказала, что не скоро тебе ещё! Что ты орешь?.. Одна рожает, что ли? У тебя в карте второй раз написано «рожаешь», что, забыла, что ли, как это?

Но, видимо, я была убедительнее этих доводов в своём страдающем виде, и она всё-таки решила посмотреть, что там. А вот взглянув, уже встревоженно и громко закричала сама:

– Девочки, срочно на кресло! Рожает! Срочно, СРОЧНО, голова между ног уже...

Я так и побежала с кровати на это кресло, в то время как уже выходила головка ребёнка...

Быстро легла на кресло и начала рожать. Больно. В голове проносилось: «Ах, вот эта боль, которую я забыла после первых родов». Это такая особенная, сильная, неприятная, тянущая боль. Природа предусмотрела, чтобы женщина сразу после рождения ребенка прекратила её чувствовать и очень быстро забыла. И вот, рожая второй раз, я её вспоминала по ходу течения родов.

Наконец, ребенок родился, но НЕ закричал. И я в этот момент как-то сразу, в одно мгновение, до всех этих дежурных шлепков по попе, почему то сразу же поняла, что жизнь моя и нашей семьи изменилась. Всё теперь будет ПО-ДРУГОМУ! Не знаю почему, но поняла я это сразу, в одну секунду. Не знала только того, насколько она изменилась и что именно произошло. И, конечно же, не хотела в это верить и с тревогой надеялась, что это просто дурной сон, который сейчас же и закончится.

Эта же грубая медсестра подхватила молчащего сына и пошла к пеленальному столику. Прошло уже минуты две-три, а он по-прежнему молчал. Пеленальный столик размещался за изголовьем родового кресла, и поэтому я снова позади себя, из-за своей спины услышала очень медленно выговариваемые слова:

– ЭТОТ ребенок мне НЕ НРАВИТСЯ...

Вся вжавшись в кресло, я замерла. Звуки словно все разом исчезли и растворились. Спирной я вслушивалась в каждый шорох и ждала услышать только два голоса: либо сына, либо этой медсестры. А в это время практикантки как вкопанные стояли напротив меня с выпученными глазами, так и не отойдя от, похоже, впервые увиденных вживую родов и не понимая, что это не самое страшное впечатление, которое они ожидали получить этой ночью. Медсестра схватила ребёнка и убежала. Испуганные девочки в ту же минуту куда-то испарились.

40 МИНУТ НИКТО НЕ ПРИХОДИЛ...

РОВНО 40 БЕСКОНЕЧНО ДОЛГИХ МИНУТ...

40 МИНУТ, ПЕРЕХОДЯЩИХ ИЗ ОДНИХ СУТОК В ДРУГИЕ...

Часы висели напротив кресла и своим оглушительно громким тиканьем разрезали, словно ножом, звенящую в моих ушах, оглушающую тишину. СТРАХ... Ох, какой же всё-таки липкий и сжимающий этот всепоглощающий СТРАХ... Весь мир остановился. Лично для меня. Я понимала, что никто в этом мире ещё не знает, что произошло что-то страшное. Даже мои близкие. Даже мой муж. Никто. Я оказалась один на один со своим СТРАХОМ и сжимающей болью в душе... И это всё казалось нестерпимо долгим и вязким. Словно вонзаемый и вынимаемый обратно жёсткий нож, который кромсал меня одновременно и в душу, и в спину, а горло сжимала невидимая петля...

Один на один

Перед тем как убежать, практикантки положили мне лёд на живот. Я осталась совсем одна, без связи, без возможности просто встать и пойти. Со своим новым пониманием, что мир чудовищно изменился. И без возможности получить хоть малейшую поддержку.

Минуты тянулись мучительно долго, хотелось вскочить и побежать, расспрашивая всех о том, что же с моим ребенком? Но никто не приходил. И только по удивительному стечению обстоятельств Земфира, словно нон-стоп, всё пела и пела где-то в коридоре такие символические в эту минуту слова песни:

– «Пожалуйста, не умирай... Или мне придется тоже... Ты, конечно, сразу в рай... А я не думаю, что тоже...»

Только в эти минуты я поняла, что эта песня играла на протяжении всех моих родов, я слышала ее где-то на подсознательном уровне, но как-то сначала словно не замечала. Я не знаю, почему одна и та же, много раз и почему именно эта песня. То ли кому-то на посту из медсестер она очень нравилась или по какой другой причине. Но она играла и играла, снова и снова.

Наконец, вернулась грубиянка-медсестра, которая принимала роды. С порога она задала мне вопрос:

– Ты в Чернобыле была?

– Нет...

– Сейчас во время беременности была?

– Нет!!! Мы с семьей были только в Сочи на седьмом месяце беременности!

– Нет, это не то. Странно... Дело в том, что это мутация...

И она, не сказав никаких подробностей, не объяснив, почему она говорила такие страшные слова сейчас, снова ушла на уже новые, бесконечно длинные 40 минут...

Я вновь взглянула на часы на стене. И смотрела на них, надеясь, что хоть кто-нибудь придёт и скажет мне, что это всё дикий розыгрыш, что всё наладилось и уже хорошо... НО никто не приходил ко мне в палату на протяжении этих новых 40 минут. Таких бесконечных и ненавистных, тикающих так, словно из сердца по капле выбегает вся кровь. Всё это время я тихо сходила с ума от полученной ужасающей информации, лёжа все на той же кушетке, с леденящим уже всё мое тело льдом на животе. Только и оставалось твердить про себя слова из песни, вторя Земфире:

– «Пожалуйста, не умирай...»

Спустя время она снова вернулась и произнесла довольно жестоко:

– Ну, дорогая моя. Что родила, то родила...

Затем взяла какие-то вещи в моей палате и снова собралась уходить.

Я уже не выдержала и в полнейшем отчаянии стала кричать ей в след:

– Да что, в конце концов, всё это означает, Вы можете мне сказать?! Вы дважды уходите, ничего мне толком не объяснив. Я имею право знать, что с моим ребенком???

Она развернулась и резко подошла ко мне. Ни о каком сочувствии не было и речи. Она просто, разрезая воздух как талое масло, медленно произнесла:

– У ребенка нет обоих глаз. Ну, или, может, одного... Он сейчас очень отекший, и непонятно, есть там второй глаз или нет. Педиатр сейчас его смотрит, она и скажет потом всё подробнее. Но одного глаза нет точно.

– Как это нет глаз???

Не отрывая взгляда, она наклонилась ко мне:

– Я в этом роддоме работаю более 20 лет. Такой же ребенок здесь рождался лишь однажды, это была девочка. И у неё не было обоих глаз и не было век. У твоего хоть веки есть.

Родители от неё сразу отказались. Её потом забрала американская семья. Присылали нам фото где-то через год американцы: сидит вся в бантах, в красивом платье нарядном, мы тут всем роддомом умилялись и любовались на неё. Там в семье был свой ребенок слепой, вот ему и взяли такую же сестренку. У твоего сына иначе немного: одного глаза точно нет, а второй либо есть, но маленький и недоразвитый, либо его там тоже нет. Это будет ясно через два-три дня, ну или, может, завтра. Нужно ждать, пока спадет послеродовой отек...

Я почему-то очень отчетливо тогда представила эту девочку в бантах и представляю ее внешне и сейчас... Оглушенная всей этой информацией, я уже не могла придумать, что ещё спросить.

Она снова ушла, и снова, как по какому-то неведомому закону жестокости, еще 40 минут никто не приходил. Наконец, после уже третьих(!) по счёту злосчастных 40 минут пришла другая молодая женщина в белом халате, представилась детским педиатром. У неё на лице и в голосе читалось такое важное для меня в ту минуту сочувствие. Она произнесла дрожащим голосом уже озвученную мне ранее информацию:

– Мамочка, вы только не волнуйтесь... но у ребёнка, похоже, совсем нет глаз. Одного точно нет, по второму непонятно. Он очень отекший, и нужно подождать до утра, отёк спадет и станет ясно, есть второй глаз или нет. Ребёночек жив и даже сам дышит, мы его поместили в инкубатор.

– Как такое может быть? Я же делала во время беременности много раз УЗИ? Даже больше, чем положено...

– Ну, понимаете, глаза же состоят из воды, их и нервной системы, например, не видно на УЗИ. Да и вместо глаза на том месте образовалась киста, она заполнила всё пространство внутри века, и поэтому лицо выглядит симметричным, плюс веки есть. Обычно в таких тяжелых патологиях лицо искривлённое, и по этим признакам на УЗИ становится понятно, что не всё в порядке. У вашего сына лицо абсолютно симметрично. Мы завтра сделаем ему МРТ и посмотрим, что там с мозгом.

Все эти страшные слова оглушали, но мне так не хотелось отпускать этого душевного человека, первого сочувствующего мне в минуту самого большого горя, которое я переживала прямо в этот момент своей жизни.

Поэтому единственное, что мой мозг сообразил придумать, был вопрос:

– А почему он не заплакал?

Она не ответила. Лишь отрицательно помотала опущенной головой и развела руками. После чего спешно удалилась...

Через время меня стали готовить к переходу в послеродовое отделение. Сказали:

– Вставай и пойдем.

Тоже не помню почему, но первый раз роды были проще и меня катили на кресле в палату, а тут просто сказали: «Вставай и пошли...». На подгибающихся ногах я шла за той женщиной, что вела меня в палату, находясь всей душой и мыслями совсем не с ней. Вся моя душа и сознание были прикованы к тому маленькому пятачку этого огромного роддома, который я даже не видела никогда, где в эту же минуту находился мой новорождённый сын. В палату меня поместили с теми роженицами, которым повезло рожать с двумя врачами, а не с моей грубиянкой-медсестрой.

Я попала в палату уже ночью, соседки хоть и крутились с боку на бок, но старались не разговаривать. Свет был повсюду выключен, только слабые ночники коридора и уличные фонари из окон позволяли разглядеть всё, что было в палате. Она была просторной, нас в ней лежало всего трое, хотя помещение позволяло разместить ещё как минимум столько же. Меня уложили на кровать напротив двери и почему-то вперёд ногами. Но ничего этого я тогда не замечала. Стала сразу же искать икону в сумке, которую взяла с собой на роды, стараясь не шуметь. Икону

Казанской Божьей Матери. Как потом я узнала, намного позже, это икона, которая покровительствует именно слепым...

Тихо, уткнувшись в подушку, я прорыдала всю ночь напролёт. Мне было дико страшно: за ребёнка, за себя, за всю нашу семью. Меня всю трясло, но я рыдала и рыдала без остановки, лёжа на животе лицом в подушку, сжимая в руках икону и настойчиво моля Бога, чтобы он оставил сына в живых. Пусть будет такой, какой есть:

– «...Пожалуйста, только не умирай...»

Ещё будучи беременной, я купила икону Казанской Божьей Матери в Казанском соборе в Санкт-Петербурге. Приехала на сессию, и мы с подругой решили пройти по достопримечательностям Питера. В итоге у меня появилась эта красивая, небольшая, формата А5 иконка. Она мне показалась настолько красивой, что очень захотелось её купить, хотя до этого я иконы никогда не покупала. Даже на наше с мужем венчание их покупал кто-то из родственников. А покупая эту икону, я совершенно не предполагала и даже подумать не могла, что она может означать что-то для меня и моей беременности впоследствии. Я вообще оказалась в том соборе в тот момент совершенно случайно. И уж тем более было странным то, что я вообще взяла потом эту иконку с собой в роддом. На первых родах, к примеру, ни про какие иконы я даже не вспоминала.

Всё как в тумане

Мой муж, похоже, обладает каким-то даром предчувствия. Иначе как ещё объяснить то, что происходило на следующий день после родов, – я не знаю. Он приехал на следующее утро. Перед въездом в роддом расположен большой цветочный рынок. И каждый папа новорождённого сначала покупает цветы, а затем едет к новоиспеченной мамочке. Ну даже хотя бы для того, чтобы потом не возвращаться за ними. Так же делал мой муж во время моих первых родов. В тот первый раз даже цветы мне принесли быстрее, чем муж прокричал моё имя под окном роддома.

Сейчас же всё было иначе. Он словно почувствовал, что что-то произошло. Утром Виталий позвонил с работы в роддом и спросил, родила я или нет. По телефону ему бодрым голосом сказали, что всё хорошо, родился сын (перепутали, видимо, с другой счастливой роженицей), и даже назвали вес и рост: 3800 г, 53 см. Я, кстати, до сих пор не уверена, что это были наши данные, потому что моего сына никто не измерял и не взвешивал, его почти сразу унесли...

Муж, несмотря на всю эту счастливую информацию, всё равно сначала проехал мимо цветочного рынка ко мне под окна роддома, чтобы убедиться, что всё реально хорошо, и только потом, после подтверждения, решил, что будет покупать мне цветы. Тогда ещё не было сотовой связи, и о том, что произошло, он ничего не знал. И это сообщить ему, тем более ночью, я никак не могла. Виталий крикнул с улицы моё имя, я выглянула в окно и сильно помотала головой в знак отрицания, моё лицо к утру было сильно зарёванным. Этим жестом я попыталась показать, что то, что случилось, – ужасно. Он кивнул, опустил плечи и дальше всё пошел узнавать уже сам. Его почему-то, в отличие от меня, сразу провели к врачу, который занимался нашим сыном и всё о нём знал. Мне до этого момента, как я ни уговаривала и ни просила, ребёнка показать отказывались и ничего по-прежнему не рассказывали. Просто говорили, пока нельзя к нему, и всё. Через время Виталий вернулся и снова крикнул меня под окнами. Распахнув окно настежь, я услышала с верхнего этажа то, что он мне прокричал:

– Наташа, сын в реанимации, спускайся по лестнице в цокольный этаж. Я договорился, нас к нему проведут.

По лестнице я бежала стремглав. Оказалось, что сын ночью попал в реанимацию, ему сделали переливание плазмы, из-за того, что ночью он был на грани жизни и смерти. Той самой ночью, которой я рыдала и молилась, чтобы он остался жив. Как сказали врачи, переливание плазмы в этом состоянии переносит не каждый взрослый, однако ребёнок справился и остался жив. Не знаю почему, но ничего из произошедшего с сыном ночью до этой минуты в реанимации мне не сообщали и, похоже, не собирались.

Муж сумел договориться о том, чтобы меня тоже пустили, наконец-то, к ребёнку, поэтому, когда я спустилась в цокольный этаж, за мной пришли и проводили в детскую реанимацию. Только там мы смогли обняться и встретиться лицом к лицу с нашей новой кошмарной реальностью. И это была первая и самая важная поддержка для меня за эти ужасные сутки. В этот момент Виталий и рассказал мне о том, что именно происходило с сыном этой ночью. Затем к нам подошел мужчина-реаниматолог и проводил в отделение реанимации новорождённых. Он объяснил всё о состоянии сына и о том, что надежда, что он останется жив, есть, раз уж он сумел пережить эту самую тяжелую для него первую ночь.

Мы прошли в отделение реанимации новорождённых. Сын лежал в кювезе, такой крохотный... Я увидела его впервые! Расправленные, худющие ножки, не скрученные и прижатые к груди, как у всех младенцев, а просто расслабленно расставленные по сторонам, в не по размеру больших, непонятно откуда взявшихся шерстяных носочках. На голове была вязаная шапочка, тоже непонятно откуда на нём оказавшаяся. Он спал. К нему были подключены мно-

жество трубок, и почему-то нижняя челюсть была так сильно запавшей вниз, что весь его вид был от этого невероятно беззащитным и ни на кого не похожим. Словно он из другого мира.

Не знаю, что переживал в душе мой муж всё то время, пока я была в роддоме, но для меня это было сплошным кошмаром. После родов у меня произошло сгущение крови, и уже после этого похода в реанимацию днём я начала терять сознание и по стенке стала сползать в коридоре. После чего меня подхватили врачи и стали делать капельницу. Снова лежать привязанной проводами, с невозможностью встать, когда рядом воркуют со своими здоровыми малышами молодые мамочки, было настоящей мукой, которую оставалось лишь молча терпеть.

Мой грустный муж приезжал ко мне каждый день. В один из них он приехал вместе со своей мамой. Она стояла в чёрном платочке на голове, как на похоронах... и без остановки рыдала внизу, не говоря ни слова, лишь вытирая слёзы уголками платка. Так они и пошли безмолвно обратно в машину. И это тоже разрывало моё и без того уже в клочки разорванное сердце и душу...

На второй день я вспомнила, что моя собственная мама рассказывала мне когда-то давно, что мой родной брат родился с проблемами глаз. Другой связи не было, а в роддоме стоял таксофон, и я спешно стала звонить. Она выслушала, а затем ответила, что это было совершенно другое, да и глаза у него есть и со зрением всё в порядке, да и вообще проблема в итоге была с ушами. А то, что описываю я, никак не похоже на историю брата. Позже врачи мне передали, что бабушка приходила в роддом и всё узнавала, что с ребенком, ей даже что-то рассказывали, но мы с ней там не встречались, не знаю почему.

За 9 месяцев до этого... Чередой примет...

Эта беременность протекала обычно. Настолько обычно, насколько вообще может протекать вторая беременность. Ты уже вроде бы все знаешь, ко всему готова. Встала вовремя на учет в женскую консультацию, как положено по правилам, до пяти недель. Сдала анализы, консультации все прошла, всё стандартно, всё как всегда.

Мы были самой обычной семьей: работали на градообразующих предприятиях обычными служащими. Первый сын родился в новогоднюю ночь, и это было самое необычное, что с нами происходило на тот момент.

Во время наступления второй беременности мне было 22 года, получается, родить должна была в 23. Совсем ещё ребенок сама, как я вижу это теперь. В этом возрасте жизнь прекрасна и безоблачна, и по ощущению, ты словно обладаешь бесконечным запасом времени, впереди только неведомая даль нескончаемо длинной и исключительно прекрасной жизни. Сплошное ожидание счастья.

Первая реакция на вторую беременность у мужа была вполне понятна:

– Ты уверена, что нужно рожать ещё? Мы же еще с первым на ноги не встали, да и денег постоянно не хватает.

И конечно же, он был прав. Если бы не его мама Валя, которая украдкой приносила и складывала нам в холодильник продукты, порой давала и деньги, от которых мы старались отказываться как «взрослые», совсем не знаю, как бы мы прокормили первого сына, не то что уже ожидается второй.

Денег не было совсем. Но мы как-то умудрялись и жить, и питаться, и даже одеваться. С рождением первенца стало, конечно, намного сложнее, но мы старались справляться и не унывали от постоянного безденежья. После первых родов у меня не было молока, и приходилось покупать импортную смесь, так как только на неё у старшего сына не было аллергии. И на неё уходила вся зарплата мужа, получать ещё откуда-то деньги не было возможности. Зарплаты ровно рубль в рубль хватало на то количество банок, которое было нужно на месяц сыну.

Мама Валя втайне оплачивала коммуналку и приносила разные домашние заготовки, которыми мы и питались. Благо были стройными, ели мало и многого нам было не нужно. Мне с работы платили сущие копейки, тысячи полторы рублей, этого и на памперсы-то не хватало. А декретные все ушли на то, что необходимо ребёнку с самого начала: коляску, кроватку, пелёнки, вещи и т. д. Но так жили многие в то время, и мы совершенно не думали ни о каких деньгах. Нет их, и ладно. Мы и без них считали себя абсолютно счастливыми. Виталий работал водителем и после работы старался взять подработку, подкидывая кого-нибудь голосующего за деньги, выполняя работу таксиста. Так и перебивались, радуясь каждой копейке.

Несмотря на все опасения мужа, на его предчувствие, что не стоит ещё раз так быстро снова обзаводиться уже вторым ребенком, именно я решила, что будем рожать, раз Бог дал. Так уж вышло, что воспитывала меня не мама, а бабушка с дедом. И именно бабушка с самых маленьких моих лет мне крепко-накрепко вдолбила мне в голову: «Никогда не делай аборт! Это самый большой и страшный грех». Вдолбила она мне это настолько железобетонно, что никаких абортов я никогда не делала и в тот раз не стала бы. Единственная причина, которая могла меня к этому подтолкнуть, – это вердикт врачей о том, что с ребёнком не всё в порядке. Но этого не произошло, а значит, будем рожать.

Мы долго никому не говорили о нашей второй беременности, не хотели говорить даже родителям, пока живота не видно. Словно боялись взглянуть или услышать схожие сомнения, даже уже и не помню почему. Решили не говорить, и всё. И когда на 11-й неделе беременности мне вдруг стало очень плохо, поднялась высокая температура, знобило, было физически плохо, мы всё равно никому не сказали. Вызвали скорую помощь. Врачи осмотрели и,

узнав о малом сроке беременности, сказали дословно: «На таком сроке мы ничего делать точно не будем, разотрите всё тело водкой и обмахивайте полотенцем. А как температура спадет, прикладывайте варёные тёплые яйца на крылья носа, чтобы предотвратить развитие ОРВИ и насморка»... Странные советы, ни до ни после я рецепта про яйца ни от кого не слышала, но сделали мы всё, как нам сказали.

Мама Валя словно почувствовала и позвонила в тот вечер, прямо во время визита скорой. Мы ответили, что я приболела, она назвала лекарства, которые нужно пить от температуры, и пожелала выздоровления. Мы, естественно, не покупали никаких лекарств, так как врачи скорой сказали, что всё противопоказано и при беременности нельзя ничего из этого принимать.

По стечению обстоятельств это был вечер пятницы и врача из поликлиники вызвать вечером этого дня было невозможно, просто потому что вызываются они только по рабочим дням и только с восьми утра, на остальные случаи есть скорая, а она у нас уже была...

А в понедельник всё прошло. Словно и не было никакой болезни и недомогания. Совсем. И врача хоть и вызвали, по сути, она уже была не нужна. Поэтому поставив «дежурный» для дежурного врача диагноз «ОРВИ», она удалилась восвояси с чувством выполненного долга. Конечно, произошедшее нас очень испугало и на первом же приеме у участкового гинеколога, где я состояла на учете, я поинтересовалась о том, какие дополнительно можно сдать анализы, чтобы знать, что всё с ребенком в порядке. Мне назначили УЗИ и что-то ещё стандартное. Всё показало норму. Я, кстати, и сейчас, спустя много лет, помню это УЗИ. Меня удивило, что живот был каким-то квадратным комочком. Именно квадратным, чётко очерченным, словно не хватает вод и прощупываются части тела ребёночка. Но опыта после первой беременности у меня не хватило, чтобы как-то этому изумиться или удивиться. Врач посмотрела и сказала: «Норма». Значит, всё ок.

Однако лёгкие предчувствия, что не всё в порядке, периодически настигали и меня. Поэтому я особенно ждала каждый из анализов, которые должны были сказать, в норме ли развитие ребёнка. В 16 недель у меня взяли анализ крови, который должен говорить врачам о том, есть ли серьезные патологии у ребенка или нет. Полученный результат был не совсем обычным: верхняя граница нормы. Я спросила:

– Это точно означает, что всё в порядке?

Врач ответила:

– Есть границы «от» и «до», у вас самое последнее число «до», если бы было на одно число больше, то значит не в порядке. А так хоть и верхняя граница, но все-таки норма.

Как раз в процессе ожидания результата данного анализа я слетала в Питер на сессию. Даже без денег мы умудрялись ещё и оплачивать учебу и перелёты для получения высшего образования. В этом помогал деньгами мой папа и, конечно же, мама Валя. Там в Питере мы много говорили с моей подругой Региной о наших с мужем странных предчувствиях и что я с опаской ожидаю именно этот анализ. Но после приезда, получив результат «норма», я снова успокоилась на некоторое время.

В течение беременности был и ещё один настораживающий эпизод. В 22 недели у меня на работе начались сильные боли в животе. Вызвали скорую. Мне поставили диагноз «угроза прерывания» и положили в больницу на сохранение. Шейка матки была чуть приоткрыта, поэтому, чтобы удержать ребёнка, мне поставили «кольцо», гинекологи и рожавшие, кому ставили, знают, что это. Оно блокировало любую угрозу выкидыша и гарантировало, что беременность я дохожу столько, сколько нужно. Но меня очень испугали слова одной из женщин, с которой я лежала в одной палате:

– Девочки, но ведь если угроза прерывания происходит, значит, организм хочет сам избавиться от ребёнка, может, что-то с ним не так?

Ей никто не ответил, хотя смутило это многих. Я тоже отогнала эти мысли, восприняв эту женщину как слишком тревожащуюся, и решила доверять только врачам. В больнице на сохра-

нении мне было лежать тяжело. Палаты прекрасные, соседки и врачи тоже. Просто почему-то охватывала постоянная паника и очень хотелось домой, что было вполне объяснимо, так как старший сын Никита был ещё совсем маленьким и я очень скучала по нему и мужу.

День выписки был словно праздник. Больше на сохранение меня не укладывали, всё проходило, на первый взгляд, благополучно. А из того, что пугало и смущало достаточно часто, – было исследование на доплер для сканирования сердцебиения ребёнка. Во время него беременная лежит на боку, подключают датчики и нужно нажимать на кнопочку, когда ребёнок пошевелится. У меня не было момента этих нажатий и шевелений. Я много раз говорила об этом разным врачам: «Нормально ли то, что мой ребёнок практически не шевелится?». Ответ был таким: «Радуйтесь, мамочка, спокойный у вас будет ребёночек, не то что у некоторых, наяривают в животе, спать не дают»... Ну нормально, так нормально. Ходим дальше.

На протяжении всей второй беременности мне делали огромное количество комплиментов о том, как я прекрасно выгляжу. Помню один из них, как сейчас: гинеколог с участка, выглянув из кабинета, сказала:

– Нуууу, наша беременная совсем как не беременная и красивая такая...

Ни токсикоза, ни отеков, ни одышки и лишнего веса, просто идеальная беременность. По моему ощущению, действительно, словно не беременная, просто к указанному сроку живот начал понемногу расти. Но совсем понемногу. Именно поэтому, несмотря на большой срок беременности (около семи месяцев), мы решили съездить на море. До этого мы не были в отпуске уже пять лет и понимали, что если не съездим сейчас, потом с малышом это ещё много лет может быть невозможным.

В то время поехать отдохнуть с Севера на море означало всегда одно: «Едем в Сочи». Мы сели на поезд и счастливо ехали четверо суток: я, муж и трёхлетний Никита. Это был прекрасный отдых, мы много гуляли, купались, были очень счастливы. Единственное, что я после вспоминала с настороженностью, – это то, что нарушила одну из примет и решила чуть подрезать волосы. Мне в итоге их так подравнивали, что получилась, по словам парикмахера салона при гостинице «Москва», «озорная стрижка». На следующий день я поняла, что эта «озорная стрижка» ужасна, пришлось ровнять снова, и доровняли длинные волосы до короткой стрижки. А ведь говорят, что беременным стричься нельзя... вот и не верь после этого в приметы...

Там в Сочи, в зале «Фестивальный», как всем известно, всегда выступают самые разные звёзды российской эстрады. Узнав, что приезжает Земфира, мы сразу решили пойти на её концерт, так как нам очень нравились её песни. Я и до сих пор считаю ту подборку песен 2000 года лучшей в её карьере (исключительно на мой вкус). Концерт был шикарным. Мы сидели на одном из высоких рядов, и наш маленький, уже почти старший сын Никита смешно танцевал на лестнице между рядами. В зале выше на этом же концерте присутствовал даже Филипп Киркоров. Мы все махали ему рукой и сфотографировали со своего ряда кресел. Нам очень понравилось выступление Земфиры. И под большим впечатлением мы пошли в комнату, которую арендовали в квартире на время отдыха. А по дороге сделали фото у поющих фонтанов на память.

Была и ещё одна из примет, которую я, сама не зная того, нарушила тоже. За несколько дней до отъезда в этот отпуск мы с мужем и сыном гуляли на площадке, которая в нашем северном городе называется «Вечный огонь» из-за того, что она построена у места памяти погибшим во время Великой Отечественной войны. Мы часто с ребёнком там гуляли на большой асфальтированной площадке, где детки могут кататься на велосипедах, машинках и самокатах. Она находилась на небольшом возвышении и безопасно отдалена от дороги. Мы жили поблизости. В тот день нам повстречался один из друзей моего мужа, а на тот момент уже друг всей нашей семьи. Пока Никита с весёлым грохотом катался на детской машинке, а я бегала

и догоняла его, чтобы сын никуда не врезался и не расшибся, я краем уха слышала разговор мужа с Денисом.

– Прекращай это, слышишь! У тебя маленькая дочь, жена. Ни к чему хорошему это не приведет. Денис отвечал:

– Я не зависим. У меня нет привычки. Мне просто нравится. Н-Р-А-В-И-Т-С-Я, понимаешь? Когда захочу, тогда сразу и брошу.

Это был последний их разговор в жизни Дениса. Когда мы вернулись из отпуска, то первое, что узнали, – известие о смерти Дениса и что его уже похоронили. А нас решили не расстраивать, так как я беременная и нам важен был этот отдых. Денис скончался скоропостижно: заражение крови от нестерильного шприца. Сотни, десятки сотен, а может, и больше погибли в те годы от наркомании в нашем северном городе. Рядами молодые парни лежат на кладбище. Но тот, кто посадил Дениса на иглу, жив и здоров, хоть и начал задолго до него и продолжает много лет после. А Дениса больше нет. Мы поехали на 40 дней к нему на кладбище, но кто-то из женщин, кажется, его мама, шепнула мне:

– Беременным нельзя на кладбище...

И я осталась сидеть в машине, выглядывая из окна. Хоть и какой был в этом смысл, раз уж всё равно приехала?..

Готовимся к новому члену семьи

После отпуска потекли обычные будни: подготовка к родам, покупка красивого ярко-оранжевого дивана в Доме мебели, который мы ездили выбирать вместе с близкими друзьями – Максимом и Машей. Свою спальню мы решили отдать старшему сыну, чтобы позже к нему присоединился младший. Купили заранее двухэтажную кровать для Никиты, на которой интересно можно было играть, спать детям, а внизу ещё и учиться писать за настоящим письменным столом. Сами же мы решили переехать спать в гостиную, как мы тогда называли эту комнату по привычке: «в зал», для чего и купили новый красивый, но, как потом выяснилось, очень неудобный для сна диван.

Перед родами, видимо, из-за обычного для беременных синдрома «гнездования» захотелось нам с мужем в этой нашей новой комнате и ремонт обновить. Поэтому мы купили и переклеили в комнате обои, и Виталий с Максимом всё это делали своими руками. Не знаю почему, но мы выбрали и наклеили чисто белые обои, которые решили не красить. Нам очень понравился этот идеально белый цвет, даже жалюзи, а не шторы, вертикальные до пола, мы повесили белоснежные. Мы и не думали о том, что это вообще-то как в больнице. На тот момент это нам показалось совершенно логичным и очень красивым. До этого в комнате были тёмные обои, которые угнетали, поэтому переход к белым воспринимался как нечто чистое и праздничное.

Наклеили. Порадовались. Я сама, несмотря на то, что беременным нежелательно дышать краской, всё-таки не удержалась от самостоятельной покраски батарей, и пока мужчины клеили обои, каждый уголок батареи старательно красила во всё тот же чистый и нарядный белый цвет. Тут же накрыли на стол, мужья наши сели обмыть удачную поклейку, а мы с женой Максима Машей присоединились к ним за ужином и проговорили потом до самой ночи. Ремонт окончен, всё хорошо.

Через некоторое количество дней у меня начались схватки, шла 40-я неделя. Так как я знала, что вторые роды бывают быстрее первых, вызвали скорую. Меня поместили в роддом, провели все предварительные процедуры и отправили в родзал. Но роды прекратились. Нет схваток, и всё. Я ходила не в совдеповской, всем роженицам полагающейся ночнушке, а почему-то мне досталась новая и красивая, я смотрела на свое отражение в стеклянной двери. Вид мне нравился, такая вся аккуратная, живот красивый, решила: «Беременность мне определенно идет».

Раз схватки прекратились, меня отправили на УЗИ, где сделали заключение, что приехала я рано, я ещё не рожая, ребёночек не созрел. На мой вопрос:

– Как это не созрел, уже 40 недель?

Был ответ:

– Ну, так бывает, недели две-три еще точно проходите.

Ок. Виталий забрал меня из роддома, а в голове пролетела мысль: «Возвращаться плохая примета». Ну пролетела, и забыли. Поехали домой. Всё хорошо.

Все эти две недели, правда, было какое-то смутное, вязкое предчувствие чего-то нехорошего. Мы ехали на машине в один из дней и повстречали моего папу с его женой (они развелись с моей мамой, когда мне было 2 или 3 года). Я, обычно сдержанная на чувства, вдруг на простой и в общем-то закономерный вопрос:

– Как дела, когда рожать?

Вдруг расплакалась и сказала, что совсем не шевелится наш ребенок и я не понимаю, нормально это или нет... Не помню, что они мне ответили, да и не услышала бы, наверное, в тот момент никакой из их ответов.

Спустя две недели после первого посещения роддома, наконец, начались настоящие схватки. Я поехала туда снова... Даже не предполагая, в какой ужас на самом деле отправляюсь...

1998 год. За 1,5 года до вторых родов. Новые друзья

Мой муж работал в нефтегазовой компании простым водителем, по меркам всей страны получал «хорошие деньги». Именно этих «больших» денег нам и хватало только на детское питание. Жители южных городов, сравнивая свои зарплаты с северными, зачастую грустно с завистью присвистывают, не всегда понимая, что эти деньги улетают сквозь пальцы и их ещё и не хватает, в связи с тем, что на Севере всё сильно дороже и нужно намного больше всего покупать, чем этого требует южная жизнь. Зимняя резина, сапоги, шапки, шубы, термобелье и т. п. Все продукты, включая «пластмассовые, без запаха» овощи и фрукты, ЖКХ тарифы, услуги, товары – всё стоит намного дороже. В итоге работаешь, работаешь, а всё улетает, как в прорву... Сколько бы ни получал. И уж тем более даже северная, зарплата водителя – это сущие копейки, учитывая стоимость жизни.

В один из дней на работе мужу стажёром назначили парня такого же возраста, как и я, соответственно моего мужа он был на пару лет младше. Зовут Максим. Максим, в общем-то, не из тех, кто рвался работать и тем более водителем, ему больше по нраву была романтика блатной жизни. Но так как в этот период он уже стал молодым отцом сразу двоих малышей, заработки нужны были постоянные, а не время от времени. Именно поэтому его папа помог устроиться работать на нефтегазовое предприятие водителем. Зарплата стабильная, северные надбавки и премии – всё это молодой семье сына было очень важно.

Таким образом, Максим и попал в ту же автоколонну, где работал и мой муж. Они во многом по складу характера и темпераменту были похожи, поэтому сразу стали активно общаться и сдружились. Однажды на обеденном перерыве Виталий забрал меня с работы, и мы поехали вместе ждать его шефа у здания головного офиса предприятия. Шеф был человеком спокойным, рассудительным и взрослым, поэтому к тому, что кроме его водителя в машине иногда могла быть и жена самого водителя, относился спокойно. Пока мы ожидали шефа, я слушала рассказы о новом стажёре мужа и о том, что им вместе очень интересно общаться.

– О, так вон же он! – вдруг произнес Виталий. – Вон Макс, про которого я тебе рассказываю, тоже, видимо, за шефом своим приехал.

Мы вышли из машины и пошли навстречу к очень колоритному и удивительно контрастному по своему одеянию для профессии «водитель уазика» молодому человеку.

Так муж впервые и познакомил меня с Максимом. Впечатление, конечно, тот произвел на меня аховое. Ну как ещё может не впечатлить молодой человек, одетый, как франт, в ПАЛЬТО из ЛАМЫ? Это разорвало все мои мысленные шаблоны про то, как обычно выглядят водители машины УАЗ на работе... Мне-то муж его заочно представил как ученика водителя, стажирующегося у моего скромного супруга. А этот молодой человек то ли, как сейчас модно говорить, метросексуал с обложки, то ли бизнесмен какой, но уж точно на стажёра водителя уазика он был совершенно не похож. Вот уж верна поговорка в народе: «Если хочешь стать кем-то, сначала начни так выглядеть». А выглядел он ну просто на миллион... Кроме одежды, первое, что запоминается во внешности Максима, – это его густые брови. В целом он очень эффектный, ухоженный молодой человек, за которым, как говорят в народе, бабы бегают табунами.

Через некоторое время они решили меня познакомить и с женой Максима. Мы подъехали за ней к библиотеке. И я сразу подумала, что Маша, наверное, очень начитанная и высокообразованная девушка, раз первая наша встреча проходит именно у библиотеки. Но она сама же меня со смехом и шутками в этом быстро постаралась переубедить.

– Да ты что, с ума сошла! Я засыпаю, только читая оглавление книги! Но скоро сессия, а там препод – жуть, придётся учить. Буду кофе наяривать и стараться выучить. Так что библиотека – это самое редкое место, где меня на самом деле можно встретить.

Маша получала среднеспециальное образование на должность бухгалтера. И сама говорила, что для неё это достижение. Нет, девушка она была совсем не глупая, просто к учебе, как к процессу, способностей у неё было мало, да и желания, впрочем, тоже. У неё было много других врожденных талантов и отменный вкус. А обучение требовало в те годы стараться получить знания, а не купить их. Вот потому-то и отправилась Маша в библиотеку, где я впервые с ней и познакомилась.

Какая же она эффектная! Длинноволосая брюнетка с огромными карими блестящими глазами и правильными, утонченными чертами лица. Маша села в машину в чёрной норковой шубе и такой же норковой шапке и в целом смотрелась как аристократическая красавица из кинофильма. По происхождению Маша по папе была немкой, возможно, из-за смешения кровей разных народов она родилась невероятной красавицей! По крайней мере я рядом с ней точно была как барышня-крестьянка.

На момент нашего знакомства у Максима и Маши было двое маленьких очаровательных деток, года на два младше нашего Никиты. Такие красивые, милые, очень симпатичные малыши: доченька и сын, они родились в один день. И были сказочно прекрасными двойняшками: дочка похожа на маму, а сын на папу. О том, что такое бывает, я до этого даже не знала. И воспринималось это как совершенно очаровательное чудо. Словно детки, только что сошедшие с рекламных открыток. Все вместе они были как будто семья с обложки, очень все красивые и гармоничные. Смотреть на них можно было бесконечно. Фантастически красивая семья.

Маша безумно любила своего мужа и буквально готова была сдуть с него пылинки. И при этом была настолько эффектной и яркой девушкой сама по себе, что мужики сворачивали шеи. Достаточно было взглянуть на неё абсолютно любому мужчине, и он уже реально не мог отвести глаз. Мужики буквально тонули в её огромных, манящих глазах! Какой-то невероятный магнетизм или феромоны она излучала, я не знаю. Просто один взгляд, и всё – мужик пропал. Даже близкие друзья Максима часто неотрывно прилеплялись к ней своими жадными взглядами. Я со своей стороны лично наблюдала это многократно. Макса это внимание других мужчин не то что не раздражало. Оно ему очень нравилось. Он не только не ревновал, а наоборот, словно подначивал её надеть прозрачную блузку, облегающую юбку или каблук повыше. В общем, чтобы как раз специально провоцировать мужчин на повышенное внимание. Возможно, так он гордился своей шикарной женой, не знаю...

Мы познакомились как раз накануне моей второй беременности и на всем её протяжении очень сдружились. Нам было интересно вместе, они такие необычные, яркие и красивые. Мы были молодыми и обсуждали многочисленные идеи проектов и будущие планы на жизнь. Каждый из нас мечтал заниматься бизнесом, но никто не знал и не понимал, как это делается.

Мы дружили той открытой и чистой дружбой, о которой пишут в книгах. Когда каждый готов был сорваться ночью, в любую секунду, если другому вдруг, не дай бог, понадобится помощь. Чем больше общались, тем больше хотелось ещё. Одно чувство юмора, одно понимание добра и зла, нас объединяло так много, что казалось, это навсегда.

2000 год. Роддом. Выписка

Через несколько дней после родов меня приготовили к выписке, а сына оставили, перевели в детское отделение патологии новорождённых. Там не разрешалось маме лежать вместе с детьми, поэтому мне можно было лишь приходить на дневной стационар и находиться вместе с сыном с 9 до 17 часов.

Когда меня выписали, то сказали выходить через чёрный ход, не знаю почему. Но это дополнительная душевная боль: выходить с запасного выхода, который расположен очень рядом с парадным, откуда с шариками и цветами забирают счастливых мам и малышей прямо в этот же самый момент... Мы вышли оттуда с мужем вдвоём. Я как была в домашней пижаме, так и пошла оттуда, не переодеваясь. Ошеломлённые и без ребенка, мы поехали домой. Приехали, а там пустая кровать, все приготовленные вещи и маленький, теперь уже старший сын Никита. А также гнетущая, страшная тишина новой реальности.

Первое время ощущение, что ничего не соображаешь.

– Как такое вообще возможно?

– Что происходит?

– Почему со мной?

– За что?

– Я не выдержу такого испытания!

– Мы ещё так молоды!

– Почему такое произошло?

Эти вопросы проносятся в голове тысячи раз, не останавливаясь и ночью становясь горше. Были и ночи, когда мы вдвоем с мужем плакали в голос, не понимая, как со всем этим будем жить дальше. Обсуждали в шутку, стараясь взбодриться, что будем через годы ездить в отпуск и носить с собой сына на носилках, если он не будет видеть. Пока врачи не разрешали находиться вместе с сыном, я в гнетущей тишине пустой квартиры оставалась днём со всеми этими страшными мыслями дома. А муж, уезжая на работу, стал ездить за рулем, закрывая один глаз. Он пытался представить, как это, жить с одним глазом. Виталий думал о том, что если в медицине появится возможность пересадки здорового глаза, он сразу же без малейших сомнений отдаст сыну свой глаз.

Но как бы нам ни было тяжело, ни на одну секунду, НИКОГДА у нас не возникало и мысли бросить или оставить сына. Нам даже ни разу не задавали этого вопроса врачи. Я думаю, они понимали, что в нашем случае это предложение будет звучать нелепо. И только, как мы узнали много позже, одна из родственниц выражала свое недоумение: «Отдали бы ребенка в специальное учреждение и жили бы спокойно, молодые – ещё одного родят...». Кому-то, может, это нормально, но для нас такое «спокойно» было совершенно за гранью невозможного...

В момент этого тяжелейшего для нашей семьи испытания нам почему-то захотелось порвать со всеми, с кем мы общались до этого. Просто вдруг стало ясно, что у нас своя жизнь, а у них у всех – своя. Мы не хотим стать объектом обсуждений. Да и сочувствие нам было не нужно. Хотелось спрятаться, исчезнуть ото всех. Люди, которых так много было вокруг ДО рождения сына, вдруг и сами куда-то словно испарились, никто и не настаивал на общении, никто не звонил, не приходил... В общем, наше желание, видимо, оказалось или взаимным, или окружающие не смогли найти нужных слов, и в итоге всё наше семейное и дружеское общение свелось к одной-единственной паре: Маше и Максиму. И это общение было для нас очень нужным и важным. И мы бесконечно им благодарны за нашу дружбу и поддержку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.